

ЕЖЕГОДНЫЙ СБОРНИК СТАТЕЙ
исследовательского центра
энергетической политики
Европейского университета в Санкт-Петербурге

№ 1, 2018

УДК 338.246.2
ББК 65.28
Е365

Редактор *Кристина Емельяненко*
Художник обложки *Александр Ходот*

Е365   **Ежегодный сборник статей исследовательского центра энергетической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге : №1, 2018. / ИЦ ЭНЕРПО ЕУ Европейского университета в Санкт-Петербурге. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. — 228 с. : ил.**

ISBN 978-5-86983-843-8

Первый сборник исследовательского центра ЭНЕРПО открывает серию публикаций Европейского университета по вопросам устойчивого развития, изменения климата и энергетической политики. Сборник включает в себя статьи научных сотрудников ИЦ ЭНЕРПО о газовых рынках Восточной Азии, механизмах ценообразования на газ в различных регионах мира, экономических инструментах поддержки возобновляемой энергетики, опыте иранских санкций в противодействии внешнеэкономическому давлению и политическом аспекте «ресурсного проклятия».

УДК 338.246.2
ББК 65.28

Воспроизведение, копирование и распространение сборника или его частей в любой форме разрешается с обязательной ссылкой на Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Настоящее издание распространяется на условиях, согласно которым оно не будет продаваться, предоставляться взаймы, перепродаваться, сдаваться напрокат или распространяться на коммерческой основе каким-либо иным способом.

ISBN 978-5-86983-843-8

© Указ. в содержании авторы, текст, 2018
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018
© Александр Ходот, оформление обложки, 2018
© Дмитрий Дервенеv, оформление, 2018

Победоносцев А.В.

БОЛЬШЕ НЕФТИ, МЕНЬШЕ ДЕМОКРАТИИ? ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ»

Автор: Победоносцев Алексей Владимирович — аспирант Европейского университетского института во Флоренции; магистр политологии. Сфера научных интересов: политическая экономия, демократизация, методология политических исследований, политическая теория.

Контактная информация: Aleksei.Pobedonostsev@EUI.eu

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена одному из самых спорных направлений современной политической экономии, известному как «парадокс изобилия» или проблема «ресурсного проклятия». Автор пытается выявить механизмы взаимосвязи между высоким размером доходов, получаемых от экспорта нефти и газа, и низким уровнем демократии. При помощи регрессионного анализа тестируются предложенные Майклом Россом «антидемократические эффекты» нефтяных доходов, такие как «эффект ренты», «эффект налогов», «эффект расходов» и «эффект репрессий». В качестве объяснения аномально низкого уровня демократии в нефтедобывающих странах предлагается «эффект долголетия», суть которого состоит в том, что нефтяные доходы увеличивают «прочность» существующих во многих странах авторитарных режимов. При помощи анализа выживания (оценки Каплана-Майера) автор приходит к выводу, что нефтяная рента увеличивает среднюю «продолжительность жизни» персоналистских и партийных авторитарных режимов, при этом особо не влияя на устойчивость военных режимов и автократий с монархической формой правления.

ВВЕДЕНИЕ

«Нефтяным проклятием» принято объяснять большое количество политических и социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются богатые углеводородами страны развивающегося мира. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что нефть может способствовать сохранению гендерного неравенства [54], порождать значительный уровень коррупции [18], быть причиной военных конфликтов и гражданских войн [24], а также низких темпов экономического роста [57]. Кроме того, в политической науке широко распространена точка зрения, что наличие у страны значительных углеводородных ресурсов оказывает мощный антидемократический эффект на ее политическое развитие. Самая известная формулировка этого тезиса принадлежит американскому публицисту Томасу Фридману, назвавшему его «первым законом петрополитики» (*The First Law of Petropolitics*). Этот закон гласит, что «чем выше цена нефти, тем меньше в стране свободы, и наоборот: чем ниже цена нефти, тем больше свободы» [32; 6, с. 101]. Другая формулировка данной зависимости принадлежит политологу Майклу Россу, показавшему в своей статье «Препятствует ли нефть демократии?» [56], что получаемые правительствами развивающихся стран доходы от экспорта углеводородов препятствуют установлению в них демократии (*oil hinders democracy*). Такой взгляд на природу отношений нефтяных доходов и демократии подтверждается рядом исследований и в целом разделяется многими учеными [59; 55; 61; 62; 12].

В то же время, несмотря на широкую популярность, теория «нефтяного проклятия» обладает рядом недостатков и противоречий, в связи с чем встает вопрос о проведении дополнительных эмпирических исследований. Так, например, «первый закон петрополитики», как и тезис М. Росса, вступают в противоречие с классическими теориями демократизации, согласно которым рост доходов населения должен позитивным образом влиять на вероятность перехода страны к демократии [46; 28; 53]. По логике этих теорий, обеспеченный добычей нефти рост доходов населения должен способствовать становлению демократии, а не препятствовать ей. Идея позитивной связи высоких доходов населения с демократическим правлением имеет глубокие корни в истории политической мысли. Так, Аристотелю принадлежит мысль о том, что

для существования демократии (или «политии») необходим достаточно широкий слой зажиточных граждан [1], а А. де Токвиль объяснял появление демократии в США низким социальным неравенством и высоким уровнем образования [5].

Большинство исследований, посвященных «ресурсному проклятию», как правило, объясняют антидемократические «эффекты» нефтяных доходов тем, что нефтяная рента оказывает «стабилизирующее» воздействие на существующие во многих богатых нефтью странах авторитарные правительства [59; 51; 55]. То есть отсутствие демократии во многих нефтедобывающих странах многие ученые склонны объяснять устойчивостью существующих в них авторитарных режимов. Однако эти исследования не рассматривают то, как нефтяные доходы влияют на политическую стабильность авторитарных режимов разных типов.

Современный мир, по меткому замечанию Дж. Ганди, представляет собой целый «зоопарк диктаторов» [34], в котором разные авторитарные режимы функционируют на основании совершенно разных принципов. Так, например, автократии разных типов опираются на разные по размеру выигрышные коалиции [22; 64], а следовательно, диктаторы в разных режимах вынуждены прибегать к разным стратегиям по распределению имеющихся у них ресурсов для удержания власти. Персоналистские режимы, как правило, опираются на достаточно не большие выигрышные коалиции, благодаря чему диктаторам в таких странах относительно просто «покупать» лояльность населения. В то же время партийные режимы вынуждены опираться на широкие выигрышные коалиции, поддержание лояльности которых стоит достаточно дорого. На основании этого можно предположить, что нефтяная рента оказывает большее «стабилизирующее» воздействие на авторитарные режимы, опирающиеся на небольшие «выигрышные коалиции», и оказывает меньшее воздействие на авторитарные режимы с широкими «выигрышными коалициями».

Эти рассуждения заставляют меня обратиться к классическому вопросу политической экономии: что обуславливает авторитарный характер политического режима многих нефтедобывающих стран? Является ли именно нефть главным «препятствием» богатых углеводородами стран на их пути к демократии? Или проблемы с демократией в этих странах могут быть объяснены другими факторами?

Целью моего исследования будет выявить степень влияния доходов от экспорта нефти и газа на уровень демократии в глобальном межстрановом контексте.

Данная работа будет построена следующим образом. В первой части я вкратце обрисую три основных подхода к проблеме взаимосвязи нефтяных доходов и демократии, а также выделю три «поколения» исследователей, занимающихся изучением «ресурсного проклятия». Вторая часть будет посвящена эмпирической проверке основных тезисов статьи М. Росса [56] об отрицательной связи уровня демократии с размером нефтяных доходов при помощи регрессионного анализа (OLS regression), сделанного на основе данных за 2013 г. В третьей части я попытаюсь проанализировать выживаемость всех авторитарных режимов, существовавших с 1946 г., при помощи процедуры Каплана-Майера. Этот вид анализа позволяет выявить, как фактор наличия/отсутствия в стране нефтяных доходов влияет на выживаемость авторитарных режимов разных типов.

Связь нефти и демократии в теоретической перспективе

Проблемой связи политических режимов богатых природными ресурсами стран помимо политологов занимаются также экономисты, историки, социологи и культурологи. Ввиду комплексности проблемы ее изучение носит междисциплинарный характер, поэтому вопрос о взаимосвязи нефти и демократии в теоретическом плане можно рассматривать как минимум с трех точек зрения.

Так, *историко-социологический* подход рассматривает связь углеводородов и демократии сквозь призму изменений социальной структуры, вызванных созданием крупной добывающей промышленности и зарождением мощного рабочего движения в данном секторе экономики. По мнению социолога Тимоти Митчелла, появление сильных шахтерских организаций сыграло важную роль в борьбе «рабочего класса» за свои права, что было ключевым моментом в процессе демократизации западных стран. В своей книге «Углеродная демократия» (Carbon Democracy) Митчелл не фокусируется на исследовании демократии и нефти как таковых, а вместо этого рассматривает «демократию как нефть» [3, с. 17]. На примере шахтерских движений Митчелл рассматривает то, «каким образом углеродная энергия помогла создать

формы политической деятельности, способные к реальной бескомпромиссности» [3, с. 17]. Используя историко-социологический подход, он выходит далеко за рамки рассмотрения углеводородов как главной причины «ресурсного проклятия», что позволяет ему прийти к достаточно оригинальным выводам. На основе исторического материала он показывает, что развитие добывающей промышленности (прежде всего угольной и нефтяной) способствовало становлению демократии в индустриальных странах, поскольку сопровождалось появлением влиятельных агентов демократических преобразований в виде отраслевых профсоюзов.

Вторую точку зрения на проблему можно условно назвать *историко-культурологической*. Отличительной чертой этого подхода является рассмотрение вопроса о связи углеводородов и политического развития в более широком культурном контексте. Удачным примером использования данного подхода можно считать работу Александра Эткинда «Внутренняя колонизация» [9], в которой показано, как процесс колонизации Российским государством огромных территорий, неизбежно сопровождаемый эксплуатацией природных ресурсов, оказал огромное влияние на культурно-политическое развитие России. Отличительной чертой этого развития была так называемая «внутренняя колонизация», под которой Эткиндр понимает «процесс одичания низших классов, с которыми высшие классы обращались как с экзотическими туземцами» [8]. Одним из ее проявлений была эксплуатация населения государством в виде самодержавия, а также эксплуатация человека человеком в виде крепостного права, что было культурно-политическим следствием процесса колонизации и ресурсной зависимости Российского государства. Поэтому авторитарный эффект на политическое развитие России оказывают не столько углеводороды, сколько культурный и исторический опыт государства, эксплуатирующего природные богатства и территории.

Однако рассмотренные подходы мало чем могут помочь в изучении влияния углеводородов на демократию в странах развивающегося мира последних десятилетий. Так, Т. Митчелл никак не учитывает факт того, что роль нефтяных ресурсов сильно изменилась после «ценового шока» 1970-х гг. и что в самой нефтегазовой отрасли сегодня занято намного меньше людей, чем в свое время работало в угольных шахтах. По этой причине относительно малочисленные работники нефтяной

промышленности не могут оказать такой же продемократический эффект, как шахтерские профсоюзы сто лет назад. Подход А. Эткинды позволяет объяснить многие особенности культурно-политического развития России за очень долгий период времени, однако не объясняет, как зависимость московского государства от экспорта беличьих шкурок в XVI в. может прямым образом влиять на политический режим России начала XXI в.

Таким образом, как первый, так и второй подход слабо применимы к инструментарию и методологии современной «неоинституциональной» политической науки с широко применяемой в ней теорией рационального выбора. Для комплексного анализа влияния нефти на политические режимы стран современного мира более продуктивно было бы пойти по критикуемому Т. Митчеллом пути и рассматривать «не нефть, а нефтяные доходы — то, что возникает после того, как нефть конвертируется в государственные доходы и частные состояния» [3, с. 12]. Третий подход, рассматривающий нефть как доходы, получаемые государством от экспорта углеводородов, можно условно назвать «политэкономическим».

Для политологов и экономистов нефть является природным ресурсом, обладающим рядом уникальных свойств. Во-первых, нефть является товаром, на который имеется большой спрос на мировом рынке. Во-вторых, нефть относительно дешево добывать и для ее производства не требуется большого количества работников. Это означает, что при относительно небольших инвестициях в нефтяную отрасль она способна генерировать огромный доход, т. е. приносить нефтяную ренту.

Как показывают исследования, нефтяная рента может иметь большое количество политических и социально-экономических последствий в виде замедления темпов экономического роста, гендерного неравенства [54], коррупции [18], конфликтов с применением насилия [24], а также «консервации» авторитарных режимов. Зная о столь большой вариации потенциальных негативных последствий, не приходится удивляться тому, что термин «ресурсное проклятие», введенный в научный оборот с легкой руки Ричарда Оти в 1993 г. [14], стал столь популярным. Во многом это связано с тем, что он позволяет довольно образно описать все возможные негативные последствия ресурсной ренты для политического и экономического развития стран, главной частью экспорта которых являются природные ресурсы. При этом

антидемократический эффект нефтяных доходов является лишь одним из возможных негативных последствий нефтяной ренты, отмечаемых исследователями.

Сама идея об отрицательной взаимосвязи нефтяных доходов и демократии была высказана достаточно давно, поэтому данной теме посвящено достаточно большое количество литературы. Наиболее удачная попытка систематизации работ по данной теме принадлежит Ф. Гулиеву [41, с. 43–62], который выделяет среди исследователей политических аспектов «нефтяного проклятия» три поколения ученых. При всей условности этой классификации, она все же позволяет проследить общую логику развития дискуссии о «ресурсном проклятии» за последние полвека.

Главной заслугой *первого поколения* исследователей была разработка теории «государства-рантье» (*rentier state*), изначально применяемого экономистами для изучения богатых нефтью стран Ближнего Востока [49]. Под «государством-рантье» они понимали «страну, которая на регулярной основе получает значительное количество внешней ренты» [49, с. 428] и в которой «только несколько людей вовлечено в создание этого (нефтяного) богатства, тогда как большинство населения вовлечено только в его распределение или его потребление» [16, с. 51]. В своей книге Лухани и Беблани также разделяли «распределяющее государство» (*allocation state*), живущее за счет внешней ренты, от «производящего государства» (*production state*), основным источником доходов которого являются налоговые платежи граждан [16, с. 63–82]. С экономической точки зрения функционирование «производящих государств» осуществляется на основе известного принципа американской революции «нет налогов без представительства» (*no taxation without representation*). Правительства в «производящих государствах» находятся под постоянным давлением со стороны налогоплательщиков, требующих политического контроля над уплаченными ими налогами. В «распределяющих» странах основой государственных финансов являются не налоговые платежи граждан, а получаемая правительством внешняя рента. Это и является основной причиной авторитарного эффекта нефтяных доходов, поскольку у граждан в этой ситуации нет стимулов требовать подотчетности правительства, так как блага, распределяемые государством за счет ресурсной ренты, гораздо значительней уплаченных ими налогов.

Второе поколение исследователей стало использовать статистические данные и количественные методы анализа для объяснения связи нефтяных доходов с авторитаризмом. Одной из первых работ такого рода была статья «Детерминанты демократии» Р. Барро [15], в которой было показано, что вопреки классическим теориям демократизации [46] высокие показатели экономического развития, порождаемые нефтяными сверхдоходами, не имеют обычной позитивной связи с демократией.

Более комплексную проверку данного тезиса провел М. Росс в своей знаменитой статье «Препятствует ли нефть демократии?» [56]. В ней он выделил три механизма, посредством которых нефтяные доходы оказывают «стабилизирующее» влияние на существующие в богатых углеводородами странах авторитарные режимы и делают демократический транзит в таких государствах маловероятным [56]. Первый эффект Росс называет «эффектом ренты» (the rentier effect) и связывает его с получаемой богатыми нефтью странами ресурсной рентой. С этим эффектом связано три казуальных механизма, которые Росс также называет «эффектами»: «эффект налогов» (taxation effect), «эффект расходов» (spending effect) и «эффект формирования групп» (group formation effect). «Эффект налогов» описывает феномен низкой зависимости богатых нефтью государств от налоговых источников доходов, в связи с чем эти страны имеют беспрецедентно низкие ставки подоходного налога. «Эффект расходов» объясняет возможность тратить значительную часть доходов от нефтяной ренты на «покупку лояльности» граждан. Под «эффектом формирования групп» М. Росс подразумевает политику «государства-рантье» по созданию полностью зависимых от него социальных групп, а также по недопущению появления финансово независимых от него социальных классов [56, с. 332–335].

Второй глобальный эффект, порождаемый большими нефтяными доходами, называется «эффектом репрессий» (repression effect). Этот эффект заключается в том, что богатые нефтью государства тратят существенную долю своих доходов на финансирование силового аппарата и военных ведомств. Причем делается это не только с целью проведения целенаправленных «политических репрессий» и «политики устрашения», но и для создания большой группы людей, полностью зависимых от государственного финансирования (военные, полицейские,

спецслужбы и др.). Иными словами, «эффект репрессий» частично связан с «эффектом формирования групп» [56, с. 335–336].

Третий эффект М. Росс назвал «эффектом модернизации». Его действие обусловлено тем, что некоторые социальные факторы (уровень урбанизации, образования и т. д.) увеличивают вероятность возникновения демократии, однако, богатые нефтью страны часто становятся жертвами так называемой «Голландской болезни» (the Dutch disease) и связанными с ней «антимодернизационными эффектами». Так проявляется «антидемократический эффект» нефтяных доходов: они порождают ряд негативных экономических последствий (например, деиндустриализацию), понижающих вероятность перехода к демократии [56, с. 336–337].

Статья Росса породила целое направление количественных исследований связи нефти и авторитаризма, иногда объединяемое под маркером «does oil hinder democracy?». Так, Бенджамин Смит на основе статистических данных показал, что политические режимы с нефтяной поддержкой, как демократии, так и автократии, более долговечны, чем режимы бедных нефтью стран [60]. Поэтому антидемократическое влияние нефтяных доходов, фиксируемое статистическими наблюдениями [15; 56], может быть объяснено тем, что нефть просто способствует выживанию авторитарных режимов, многие из которых существовали задолго до «нефтяного бума» 1970-х гг.

Исследования последних лет, согласно классификации Ф. Гулиева [41, с. 43–62], относятся к *третьему поколению*, в рамках которого степень воздействия нефтяных доходов на политический режим изучается с учетом влияния не связанных с нефтью факторов. Представители этого поколения считают, что нефть в целом оказывает влияние на политику и экономику, но направление и степень ее влияния зависит от других переменных. Так, Тед Даннинг в работе «Сырьевая демократия» исследует связь нефтяных доходов и демократии через такой фактор, как уровень неравенства [29]. Он приходит к выводу, что нефть далеко не всегда «обрекает» неразвитые и среднеразвитые страны на авторитаризм. В некоторых случаях доходы от продажи нефти помогают решить целый ряд социально-экономических проблем, препятствующих демократизации. В качестве примера он приводит Венесуэлу, которая на протяжении большей части второй половины XX в. была более демократичной страной, чем ее соседи по региону [29, с. 152–209].

Однако без преувеличения одной из самых известных работ «третьего поколения» является совместная статья Стефена Хабера и Виктора Меналдо «Подпитывают ли природные ресурсы авторитаризм?» [42]. Используя в своем исследовании данные за очень долгий промежуток времени (с 1800 г.), они пришли к выводу, что нефтяные доходы не оказывают серьезного влияния на то, будет ли иметь страна демократический или авторитарный политический режим. Авторитарный характер политического развития может быть обусловлен целым комплексом факторов, среди которых нефтяная рента играет далеко не самую важную роль. С. Хабер и В. Меналдо считают, что некорректно строить рассуждения исходя из утверждения, что если бы у Саудовской Аравии не было бы нефти и над ней не довлело бы «ресурсное проклятие», то у нее сформировались бы такие же политические институты, как у Дании. Помимо нефти, на формирование политических институтов влияет еще целый комплекс факторов, и «если бы у Саудовской Аравии не было нефти, то она скорее была бы похожа, на Йемен, чем на Данию» [42, с. 2].

Реакцией на исследование С. Хабера и В. Меналдо была статья М. Росса и Д. Андерсона «Большое нефтяное изменение» [13], в которой авторы доказывали, что политическое влияние нефти бессмысленно искать на столь длинных временных отрезках. До волны национализации нефтяной отрасли 1970-х гг., прокатившейся по развивающимся странам, нефть в целом не оказывала значительного влияния на политическое развитие нефтедобывающих стран. Центральная же идея их статьи в том, что не существует веских причин рассматривать нефть как некий универсальный фактор, оказывающий одинаковое влияние на политические режимы всех времен и народов [13].

Знаковое место среди исследований третьего поколения занимает работа Полины Джонс Луонг и Эрики Вайнталь «Нефть не проклятие» (Oil Is Not a Curse), в которой воздействие нефтяных доходов на экономику и политику изучается сквозь призму структуры собственности (ownership structure) нефтяной промышленности [44]. Авторам удается показать, что в зависимости от структуры собственности или «правил игры», установившихся в нефтедобывающей отрасли, нефть может оказывать кардинально различные эффекты. Доминирование на нефтяном рынке частных компаний ведет к формированию сильных фискальных институтов и экономическому росту, а доминирование правительства в отрасли ведет к формированию слабых фискальных институтов и возникновению «государства-рантье». Собственно,

и авторитарный эффект нефтяные доходы способны оказывать тогда, когда ими бесконтрольно распоряжается государство.

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно сказать, что отрицательное влияние углеводородов на политическое и экономическое развитие нефтедобывающих стран обусловлено ее способностью порождать эффект ренты, т.е. генерировать доход. С политической точки зрения деструктивная роль нефтяных доходов состоит в том, что они превращают правительства в государства-рантье, независимые от налогов граждан. Данное свойство нефтяных доходов снижает у населения «спрос» на демократизацию с одной стороны и делает существующий политический режим более устойчивым и долговечным с другой. Однако влияние на политический режим нефтяные доходы начали оказывать только с середины 1970-х гг., когда во многих странах мира произошла приватизация государством нефтяных секторов экономики. Поскольку большинство нефтедобывающих стран в середине 1970-х гг. имели авторитарные политические режимы, то, скорее всего, это и обуславливает то, что с тех пор нефть оказывает на политическое развитие этих государств антидемократическое влияние.

БОЛЬШЕ НЕФТИ, МЕНЬШЕ ДЕМОКРАТИИ? СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ВЗАИМОСВЯЗИ НЕФТЯНЫХ ДОХОДОВ И УРОВНЯ ДЕМОКРАТИИ

Зависимая и независимая переменные

В качестве главной зависимой переменной данного исследования выступает степень демократичности того или иного государства. Под демократией я понимаю ее минимальное шумпетерианское определение как «режима, в котором государственные должности замещаются посредством конкурентных выборов» [53, с. 19].

Как известно, вопрос об измерении уровня демократии относится к числу острейших дискуссионных проблем политической науки. Ряд авторов [58; 53] отстаивают «дихотомический» подход к измерению демократии, согласно которому демократия в стране либо есть, либо нет. Сторонники этого подхода считают, что невозможно измерить уровень демократии в тех странах, в которых ее нет. По их мнению, некорректно проводить процедуру измерения уровня демократичности в отношении стран с авторитарным типом политического режима.

Вторая, более многочисленная группа исследователей, исходит из «шкального» или «градационного» взгляда на природу демократии, согласно которому демократические характеристики в разных политических системах способны проявляться с разной степенью отчетливости [20; 28]. Иными словами, согласно «шкальным концептам» демократии все страны мира можно расположить в континууме от большей демократичности к меньшей.

Не вступая в теоретические дискуссии по этому вопросу, в данном исследовании я буду исходить из второго подхода, т. е. буду считать, что процедуру измерения уровня демократии можно провести не только в отношении демократических стран, но и в отношении стран с авторитарным типом политического режима.

Для измерения уровня демократии будет использоваться индекс Polity IV [50]. Данный индекс учитывает три аспекта демократии:

- 1) политическая конкуренция и оппозиция;
- 2) способ рекрутирования в органы исполнительной власти;
- 3) независимость исполнительной власти.

При этом индекс Polity IV измеряет степень демократичности того или иного государства на основании шести индикаторов:

- 1) регулирование участия,
- 2) конкурентность участия,
- 3) регулирование способа замещения главного поста в исполнительной власти,
- 4) конкурентность рекрутирования в органы исполнительной власти,
- 5) открытость рекрутирования в органы исполнительной власти,
- 6) ограничения, накладываемые на исполнительную власть [50].

Polity IV измеряет уровень демократии при помощи шкалы с 21-й градацией, принимающей значение от -10 до $+10$, где -10 полный авторитаризм, а $+10$ полная демократия.

Независимой переменной, чье влияние на степень демократичности политического режима я планирую изучить, являются нефтяные доходы. Вопрос о том, как измерять нефтяные доходы, в научной литературе традиционно относится к числу не менее дискуссионных, чем вопрос о том, как измерить демократию в той или иной стране. Основной вопрос состоит в том, соотносить ли кумулятивный нефтяной доход с масштабом всей экономики (то есть к ВВП) [56] или высчитывать его размер в расчете на душу населения [29; 55]. У каждого из перечисленных способов измерения нефтяных доходов есть свои преимущества и недостатки. Я исхожу из того, что отношение нефтяных доходов

к ВВП является более релевантной величиной для моего исследования, поскольку отражает экономическую зависимость государства от нефтяной ренты. Помимо всего прочего, в этом показателе косвенным образом учитывается экономическое развитие страны, поскольку в менее развитых нефтедобывающих государствах доля нефтяных доходов в ВВП больше, чем в более развитых.

Таким образом, в качестве зависимой переменной будет использоваться доля нефтегазовых доходов в ВВП. Размер нефтегазового дохода в ВВП (*oilgas_rent* (% of GDP)) будет браться как сумма показателей *oil_rent* (% of GDP) и *natural gas_rent* (% of GDP), взятых с сайта Всемирного Банка. Под нефтяной (и газовой) рентой эксперты Всемирного Банка понимают разность между стоимостью добычи сырой нефти (и газа) по мировым ценам и суммарными затратами на добычу. Переменная *oilgas_rent* (% of GDP) является процентом от ВВП, то есть является метрической переменной.

Имея данные переменные, при помощи парной корреляции между значениями индекса Polity IV и нефтегазовой рентой можно проверить базовую гипотезу теории «ресурсного проклятия» от отрицательной связи нефтегазовых доходов и уровня демократии. Коэффициент Пирсона получился равным $-0,47$. То есть статистическую связь между двумя основными переменными можно считать статистически

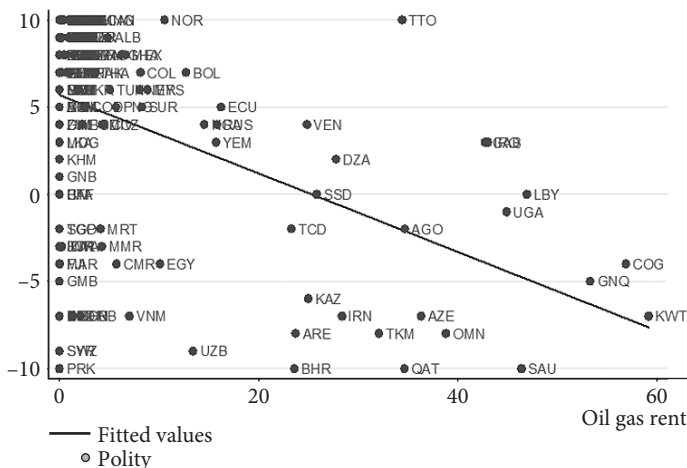

Рис. 5.1. График распределения показателей уровня демократии и долей нефтегазовой ренты в составе ВВП

значимой, на основании чего можно говорить о том, что между уровнем демократии и нефтяным доходом имеется определенная отрицательная зависимость. В визуальном виде связь между нефтегазовой рентой и уровнем демократии представлена на Рис. 5.1.

График представляет собой распределение уровня демократии по индексу Polity IV (ось ординат) в зависимости от показателя доли нефтегазовой рентой в ВВП (ось абсцисс) за 2013 г. для 161 страны. Как видно из графика, в левой верхней части расположены демократические режимы, не обладающие нефтегазовыми доходами, а в левом нижнем углу авторитарные режимы, ими не обладающие. В свою очередь, в средней нижней и правой частях графика представлено распределение авторитарных режимов, обладающих нефтяными доходами.

Контрольные переменные: влияние других природных ресурсов

Для более детальной проверки гипотезы об авторитарном эффекте нефтяных доходов необходимо убедиться, что уровень демократии «понижает» именно нефть, а не в целом доходы от природных ресурсов. Для этого при помощи множественного регрессионного анализа необходимо проверить влияние на демократию других природных ресурсов, способных создавать ренту. С этой целью будут использоваться переменная **coal_rent (% of GDP)**, взятая с сайта Всемирного Банка и показывающая разницу между стоимостью добычи каменного и мягкого угля по мировым ценам и общей суммой затрат на их производство. Также будет использоваться **forest_rent (% of GDP)**. Экспертами Всемирного Банка этот показатель вычисляется как урожай круглого леса, умноженный на произведение средних цен, специфических для каждого региона. На основе данных Всемирного Банка также была составлена переменная **mineral_rent (% of GDP)**, подсчитанная как разница между стоимостью на мировом рынке и издержками на добычу таких минеральных ресурсов, как олово, золото, свинец, цинк, железо, медь, никель, серебро, бокситы и фосфаты.

На основе переменных Polity IV, Mineral_rents_of_GDP, Coal_rents_of_GDP, Forest_rent_of_GDP и oilgas_rent можно сделать множественный регрессионный анализ (OLS regression) и посмотреть на то, каким образом рента, получаемая от разных природных ресурсов, влияет на уровень демократии.

Таблица 5.1

Политический режим и природные ресурсы

	(1)
VARIABLES	polity
oilgasrent	-0,251***
	(0,0318)
Forestrents_of_GDP	-0,152*
	(0,0868)
Coalrents_of_GDP	-0,658
	(1,160)
Mineral_rents_of_GDP	-0,0804
	(0,0864)
Constant	6,746***
	(0,571)
Observations	155
R-squared	0,295
Standard errors in parentheses *** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1	

Полученная модель показывает, что ни один из видов природных ресурсов помимо нефти и газа не оказывает статистически значимого влияния на уровень демократии. Слабую связь демонстрирует рента от продажи лесных ресурсов, однако она является статистически слабо значимой ($p < 0,1$). Наличие этой слабой зависимости между лесной рентой и низким уровнем демократии можно объяснить тем, что лесная отрасль является важной частью экономики нескольких слаборазвитых стран с авторитарным типом политического режима, таких как Уганда, Того, Руанда и Гана [62, с. 1003]. Однако в целом отсутствие статистически значимой связи угольной, минеральной и лесной ренты со значением индекса Polity IV может быть объяснено тем, что в отличие от нефтегазовой отрасли в данных секторах экономики работает большее количество людей и в них генерируется меньшая финансовая отдача. Поэтому можно говорить о том, что в политическом плане негативное влияние нефтяной ренты, скорее всего, связано с тем, что она приносит экономике и государству «легкие» деньги, полученные сектором промышленности с небольшим уровнем занятости.

Прочие контрольные переменные

Для проверки того, что именно нефтяные доходы оказывают авторитарный эффект на политическое развитие, необходимо провести множественный регрессионный анализ, учитывающий ряд других влияющих на уровень демократии факторов. Необходимость проверки влияния нефти на политический режим регрессионным анализом обусловлена проблемой эндогенности, поскольку вполне возможно, что низкий уровень демократии в нефтедобывающих странах вызван не связанными с углеводородами факторами.

Условия возникновения демократии — это один из ключевых теоретических вопросов политической науки, вокруг которого ведутся жаркие дискуссии. В то же время, несмотря на то, что в отношении детерминантов демократии нет единой точки зрения, в рамках данного исследования можно все-таки попытаться подобрать несколько переменных, которые бы отражали не связанные с нефтью факторы, влияющие на уровень демократии в той или иной стране.

Как показывают исследования [19; 10], низкий уровень неравенства является ключевым социально-экономическим фактором, способствующим переходу к демократии, поскольку в этих условиях потенциальные налоговые издержки наиболее состоятельных граждан (политической элиты) от перехода к «власти народа» становятся меньше, чем финансирование репрессий против политических сил, требующих демократизации. И напротив, чем выше в стране уровень неравенства, тем меньше вероятность того, что в ней будет демократический режим. В данном исследовании уровень неравенства измеряется при помощи индекса **gini**, показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов. Данные берутся с сайта Программы развития ООН.

Возможным объяснением авторитаризма в той или иной стране может быть фактор ислама, т.е. ситуация, когда большинство населения исповедуют исламскую религию. Хотя среди стран с преимущественно мусульманским населением есть несколько демократических государств (Индонезия, Албания), некоторые исследования все же показывают, что ислам оказывает мощный антидемократический эффект на политическое развитие страны [30]. Переменная **Muslim** показывает долю мусульманского населения в стране, данные по которой взяты из доклада *Mapping the Global Muslim Population 2009* г. Поскольку конфессиональная структура населения достаточно медленно меняется

во времени, то данные за 2009 г. можно считать релевантными и для 2013 г.

На уровень демократии может влиять степень социально-экономического развития того или иного государства [46]. В данном исследовании уровень социально-экономического развития измеряется при помощи показателя ВВП на душу населения (**GDP_per_capita**), взятого с сайта Всемирного Банка. ВВП на душу населения измеряется по текущему курсу доллара США (за 2013 г.).

Особое внимание в исследовании уделяется проверке тезиса М. Росса относительно так называемого «эффекта репрессий». Будет использовано несколько переменных, отражающих финансирование «репрессивных» ведомств. В качестве таких переменных будут выступать **milit_spending** (процент военных расходов в общем объеме расходов правительства), **Military_expenditure_of_GDP** (доля военных расходов в структуре ВВП) и **military_personal** (доля «силовиков» в общем объеме рабочей силы). Переменная **milit_spending** отражает долю трат государства на оборону и миротворческие операции во всей совокупности расходов. Переменная **Military_expenditure_of_GDP** показывает долю этих трат в отношении к ВВП. Обе переменные взяты с сайта Стокгольмского международного института мирных исследований (SIPRI). Данные для переменной **military_personal** взяты с сайта Всемирного Банка.

Для тестирования «эффектов ренты» («эффекта налогов» и «эффекта расходов») используются две переменные: переменная **Tax_Burden**, представляющая собой долю всех собранных в стране налогов в составе ВВП, и переменная **Gov_Expenditure**, отражающая долю всех государственных расходов в составе ВВП. Данные для обоих переменных взяты с официального сайта Фонда наследия (The Heritage Foundation).

Тестирование «эффектов» Майкла Росса

При помощи вышеуказанных контрольных переменных был проведен регрессионный анализ, на основании которого была осуществлена проверка тезисов М. Росса об авторитарных эффектах нефтяных доходов. Главный интерес в этой связи представляли «эффект ренты», «эффект расходов», «эффект налогов» и «эффект репрессий».

В таблице 5.2 представлена попытка проверить утверждение Росса об отрицательном влиянии «эффекта ренты» на демократию. Как видно из полученных моделей, на значение индекса Polity влияет не только

нефть, но и доля налогов в составе ВВП (Tax_Burden), а также доля государственных расходов в экономике (Gov_Expenditure). Получается, что высокая степень налоговой нагрузки на экономику статистически связана с более высоким уровнем демократии. Зная специфику большинства «петрогосударств», в которых налоговое бремя невелико, это можно считать косвенным подтверждением гипотезы Росса о «налоговом эффекте» нефтяной ренты. Однако это оставляет открытым вопрос касательно того, является ли низкая налоговая нагрузка специфической чертой именно петроавтократий, или же она свойственна всем авторитарным режимам.

Таблица 5.2

Политический режим и «эффект ренты»

	1	2
Variables	polity	polity
oilgasrent	-0,144*** (0,0301)	-0,195*** (0,0280)
muslim	-0,0453*** (0,0134)	-0,0443*** (0,0121)
Tax_Burden	0,143*** (0,0455)	
Gov_Expenditure		0,111** (0,0477)
Constant	3,453*** (1,270)	3,008* (1,712)
Observations	155	154
R-squared	0,402	0,387
Robust standard errors in parentheses *** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1		

Из первой регрессионной модели (Таблица 5.2) видно, что высокое налоговое бремя имеет позитивную корреляцию с более высоким уровнем демократии. Это говорит о том, что низкие налоги (во всяком случае, в масштабах всей экономики) являются отличительной чертой всех авторитарных режимов, а не только тех из них, которые занимаются добычей нефти. Как пишет известный экономист и сторонник теории рационального выбора Уильям Нисканен, «автократическое

правительство выбирает такой уровень основных государственных расходов и такую ставку налога, которые максимизируют чистый доход автократии. Поэтому автократическое правительство выбирает относительно низкий уровень расходов на государственные услуги для населения, поскольку оно ценит эти услуги лишь в той мере, в какой они увеличивают чистый доход автократии» [4, с. 145–146].

Вопреки ожиданиям, высокая доля государственных расходов в ВВП (Gov_Expenditure) не оказывает авторитарного влияния на политический режим, как это представлено в моделях Росса [56, с. 348], а наоборот, имеет позитивную связь с демократией (вторая регрессионная модель в таблице 5.2). Этот «парадокс» можно объяснить тем, что в своем исследовании М. Росс использует панельные данные, охватывающие период времени с 1971 по 1997 гг, когда значительную часть авторитарных режимов составляли страны коммунистического блока, государственные расходы которых составляли большую часть экономики. Скорее всего, авторитарный эффект больших государственных расходов значим лишь для периода времени, предшествующего падению «мировой социалистической системы». Для периода же времени после холодной войны значительные государственные расходы в структуре ВВП, скорее всего, являются отличительной чертой демократии, а не диктатуры. Однако, для того, чтобы окончательно ответить на этот вопрос, необходимо провести отдельное исследование.

Для решения проблемы эндогенности был проведен еще один регрессионный анализ (Таблица 5.3), который убедительно показал, что нефть порождает «налоговый эффект», т. е. ведет к более низкой налоговой нагрузке на граждан и экономику, что согласно М. Россу можно рассматривать как антидемократический эффект.

Таблица 5.3

Детерминанты налогового бремени

	(1)	(2)
Variables	Tax_Burden	Tax_Burden
oilgasrent	-0,282***	-0-198**
	(0,0623)	(0-0565)
GDP_per_capita	0,000200***	0,000187***
	(3.35e-05)	(4.98e-05)

Окончание таб. 5.3

	(1)	(2)
Variables	Tax_Burden	Tax_Burden
polity	0,432***	0,485***
	(0,133)	(0,154)
gini		-23,08**
		(9,850)
Constant	17,49***	26,03***
	(1,090)	(3,974)
Observations	156	126
R-squared	0,416	0,446
Standard errors in parentheses *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1		

Из таблицы 5.3 видно, что страны с более высоким уровнем неравенства склонны иметь меньшую долю налогов в структуре ВВП, чем страны с низким уровнем неравенства. Это можно объяснить тем, что страны с более высокими налогами, как правило, проводят более активную перераспределительную политику [10].

Во всех полученных регрессионных моделях нефтегазовая рента «уменьшает» величину долю налогов в ВВП. В более наглядной форме зависимость между этими переменными представлена на Рис. 5.2.

Логика «эффекта налогов» состоит в том, что демократические режимы представляют собой такие политические системы, в которых граждане обладают политическим контролем над уплаченными ими налогами. Так, например, экономические историки Д. Норт и Б. Вейнгаст полагают, что борьба за демократию в Англии времен «Славной революции» была вызвана стремлением буржуазии получить контроль над налоговой политикой правительства [52]. Если девизом стран с демократическим типом политического режима можно считать известный слоган Американской революции «нет налогов без представительства», что хорошо иллюстрирует важность проблемы налогообложения на ранних стадиях становления американской демократии, то девизом нефтедобывающих авторитарных режимов можно считать слоган «никаких налогов и никакого представительства» [6, с. 129].

«Эффект репрессий» подтверждается регрессионной моделью из таблицы 5.4. Высокие военные расходы в структуре общих расходов

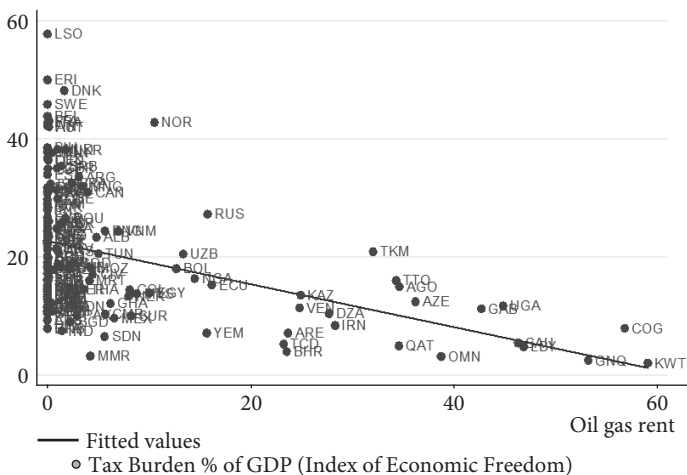

Рис. 5.2. График распределения показателей доли нефтегазовых доходов в структуре ВВП и доли налогов в составе ВВП

правительства (*milit_spending*) имеют отрицательную связь с демократией, причем даже в большей степени, чем фактор мусульманского состава населения. Также отрицательную связь с демократией имеют военные расходы в составе ВВП и численность силового аппарата в составе общей рабочей силы.

Таблица 5.4

Политический режим и «эффект репрессий»

	1	2	3
Variables	polity	polity	polity
oilgasrent	-0,155*** (0,0297)	-0,152*** (0,0332)	-0,196*** (0,0292)
milit_spending	-32,87*** (7,874)		
Military_expenditure_of_GDP		-0,761*** (0,242)	
Military_personal			-0,989*** (0,367)
GDP_per_capita	5.60e-05***	6.56e-05***	4.88e-05***

Окончание таб. 5.4

Variables	1	2	3
	polity	polity	polity
	(1.40e-05)	(1.53e-05)	(1.83e-05)
muslim	-0,0223*	-0,0266**	-0,0427***
	(0,0128)	(0,0123)	(0,0125)
Constant	7,688***	6,936***	7,276***
	(0,716)	(0,674)	(0,669)
Observations	142	144	153
R-squared	0,436	0,389	0,427
Robust standard errors in parentheses *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1			

В визуальной форме отрицательную связь между демократией и расходами на оборону можно продемонстрировать при помощи Рис. 5.3. График показывает, что страны с демократическим политическим режимом гораздо более «миролюбивы» (если под этим понимать небольшую долю военных расходов в структуре ВВП), чем автократии. Это косвенно подтверждает теорию Ф. Фукуямы о «демократическом мире», согласно которой военные конфликты на планете прекратятся тогда, когда во всех странах мира установится демократия [33].

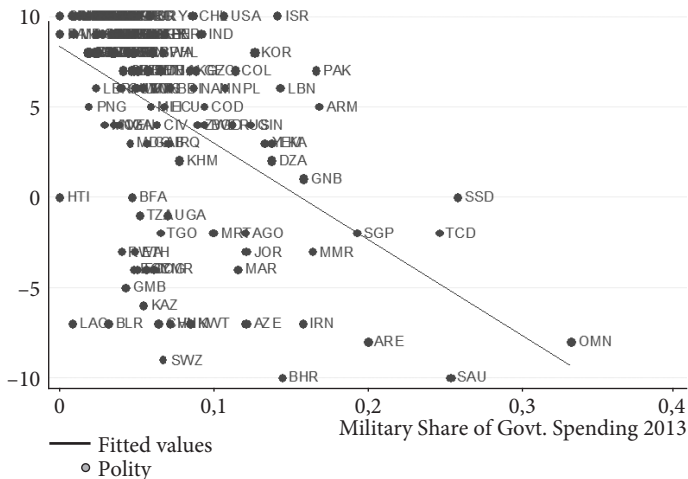

Рис. 5.3. График распределения показателей доли трат на оборону в общих расходах государства (milit_spending) и уровня демократии

Результаты регрессионного анализа, касающегося «эффекта репрессий» (Таблица 5.4), несколько отличаются от соответствующих результатов Майкла Росса [56, с. 351]. В своей статье М. Росс тестирует влияние на демократию таких факторов, как численность военного персонала и для военных расходов в ВВП. Тестируя «эффект репрессий», он не обнаружил связи объема военных расходов с политическим режимом, но зато обнаружил связь демократии с численностью военного персонала (правда статистическая значимость этой связи была на уровне $p < 0,05$). В отличие от Росса, мои регрессионные модели показывают, что статистически значимую связь с демократией имеет как численность «силовиков», так и объем военных расходов. В этом результаты моего исследования перекликаются с результатами исследования Стивена Фиша, который тоже фиксировал статистически значимую связь большого объема военных расходов с более низким уровнем демократии [Fish, 2005: 122–123], и с результатами исследования Андрея Щербака, обнаружившего связь между численностью силовиков и уровнем демократии в странах постсоветского пространства [7, с. 203].

В то же время регрессионные модели с военными расходами (как с `milit_spending`, так и с `Military_expenditure_of_GDP`) более надежны, чем модель с численностью силовиков (`Military_personal`), поскольку распределение регрессионных остатков в последней модели не проходит тест на гетероскедастичность Бройша — Пагана.

Результаты тестирования «эффекта репрессий» (Таблица 5.4) могут иметь несколько интерпретаций. С одной стороны, наличие большого количества «силовиков» оказывает «антидемократический эффект», поскольку ведет к увеличению количества зависимых от государства людей (то, что М. Росс еще называет «group formation effect» [56, с. 334]). Создание рабочих мест в «силовых» ведомствах может проводиться с целью снижения уровня безработицы (большой проблемы для многих арабских стран) и создания критически важной массы лояльных режиму граждан. С другой стороны, высокие расходы правительства на оборону и силовой аппарат могут интерпретироваться как попытка авторитарных лидеров «купить лояльность» лиц, ответственных за подавление оппозиции и проведение политических репрессий в отношении недовольных граждан. В этом случае военные расходы представляют собой «долгосрочные инвестиции» правительства в прочность своего режима.

Эмпирическое исследование, направленное на проверку предположенных М. Россом «эффектов» нефтяных доходов, подтверждает

конвенциональную точку зрения на то, что большая доля нефтегазовой ренты в структуре ВВП в той или иной стране статистически связана с более низким уровнем демократии. Протестированы предложенные М. Россом [56] основные «эффекты», понижающие уровень демократии. Так, мной был подтвержден «эффект репрессий», согласно которому более высокие расходы государства на оборону статистически связаны с более низким уровнем демократии. Также было обнаружено, что количество «силовики» имеет отрицательную связь со значением индекса Polity IV.

Однако «эффект расходов» не подтвердился. Обнаружена положительная связь между объемом правительственных расходов и уровнем демократии. Это можно объяснить тем, что после окончания холодной войны более высокие расходы правительства коррелируют с более высокими показателями демократического развития, поскольку произошло значительное сокращение количества коммунистических режимов.

Была подтверждена позитивная связь большой налоговой нагрузки с высоким уровнем демократии, а также то, что нефтяная рента «понижает» налоговое бремя граждан и представителей бизнеса. Это является косвенным подтверждением того, что низкая налоговая нагрузка в нефтедобывающих государствах может быть одной из причин проблем с демократией в этих странах.

Несмотря на то, что основные результаты исследования М. Росса [56] были подтверждены, протестированные «эффекты» мало что говорят о зависимостях причинно-следственного характера. Для выявления более глубоких причинно-следственных связей между нефтяными доходами и характером политического режима необходимо дополнить исследование рассмотрением более длинной хронологической перспективой, в частности, анализом выживания авторитарных режимов в нефтедобывающих странах при помощи оценки Каплана-Мейера. Предположительно, помимо протестированных в данной главе «эффектов», низкий уровень демократии в богатых нефтью странах может быть объяснен устойчивостью существующих в них авторитарных режимов. Подобное «стабилизирующее» воздействие нефтяных доходов на авторитарные режимы можно назвать «эффектом долголетия», под которым понимается высокая средняя «продолжительность жизни» авторитарных режимов в нефтедобывающих странах. Следующая часть будет посвящена эмпирической проверке этого возможного эффекта.

ВЫЖИВАНИЕ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ СТРАНАХ

Способствует ли нефть выживанию авторитарных режимов?

Постановка проблемы

Еще Н. Макиавелли говорил о том, что долговечность власти правителя зависит от эффективного сочетания им политических репрессий в отношении оппонентов и «покупки лояльности» остальных граждан [2]. Проведение данных мероприятий требует от автократа существенных финансовых затрат на содержание силового аппарата и на предоставление общественных благ (public goods) населению, что зачастую делает удержание власти в авторитарных режимах довольно дорогостоящим процессом [63]. Однако наличие у авторитарного правителя дополнительных источников доходов может способствовать существенному облегчению процесса удержания власти и оказывать «стабилизирующее» воздействие на авторитарный режим в целом. В качестве такого «дополнительного» источника доходов могут выступать деньги, полученные авторитарным правительством от экспорта природных ресурсов и прежде всего от добычи нефти и газа.

Негативные политические и экономические последствия этих «дополнительных» доходов от «ресурсной ренты» получили в политической экономии образное название «ресурсного проклятия» [14]. Так, ряд исследований, посвященных данной теме, показывает, что наличие у страны значительных доходов от добычи углеводородов отрицательно сказывается на вероятности успешного установления в таком государстве демократического режима [55, с. 72]. В то же время есть основания полагать, что доходы от добычи нефти и экспорта природных ресурсов не столько препятствуют установлению демократии, сколько придают устойчивость уже существующим авторитарным режимам в богатых углеводородами странах [60; 62; 51]. Результаты некоторых исследований показывают также, что углеводороды способствуют существенному увеличению продолжительности жизни не только политических режимов, но и времени нахождения политических лидеров у власти [27].

Однако не все так «радужно» для автократов в нефтедобывающих странах, как это может показаться на первый взгляд. Так, некоторые исследователи считают, что нефть может не только придавать

устойчивость существующим авторитарным режимам, но и при некоторых обстоятельствах создавать существенные политические риски для находящихся у власти политических лидеров (причем как в демократических, так и в авторитарных странах). Некоторые формальные модели предсказывают, что сам факт наличия у государства нефтяных доходов может негативным образом влиять на его политическую стабильность, поскольку усиливает борьбу между представителями разных властных и околовластных групп за контроль над доходами от экспорта углеводородов [23]. Эта политическая борьба за контроль над потоками «петродолларов» может существенным образом увеличивать вероятность как государственных переворотов, так и гражданских конфликтов с применением силы [24], что в свою очередь может негативно сказываться на «средней продолжительности жизни» авторитарных режимов в богатых углеводородами государствах.

Проблема, однако, состоит в том, что современном мире авторитарные режимы являются очень разнообразными. И, как известно, само институциональное устройство таких режимов может оказывать независимое влияние на перспективы их выживания в будущем [47; 36; 34]. Поэтому резонно ожидать, что в подобном «зоопарке диктаторов» [34] механизмы влияния нефтяных доходов на авторитарные режимы разных типов могут существенным образом отличаться.

В этой связи встает следующий вопрос: какое влияние нефтяные доходы оказывают на выживание авторитарных режимов разного типа в долгосрочной перспективе? Всем ли авторитарным режимам углеводороды «продлевают жизнь»? И если да, то каким авторитарным режимам они «продлевают жизнь» в большей степени, а каким в меньшей?

Выигрышные коалиции и типология авторитарных режимов

Со времен Платона и Аристотеля в политической науке нет недостатка в типологиях и классификациях авторитарных политических режимов. Не предлагая ничего нового, данное исследование будет опираться на политическую типологию, разработанную Барбарой Геддес, Джозефом Райтом и Эрикой Франс [39]. Эти исследователи предлагают классификацию из четырех «идеальных типов», согласно которой

любой авторитарный режим может быть отнесен либо к монархическому, либо персоналистскому, либо к военному, либо к партийному типу [39, с. 318].

Партийный режим представляет собой такой тип автократии, в котором политическая власть концентрируется в руках руководителей партийных структур, образующих коллективный орган принятия решений. Партийный режим может представлять собой как классическую однопартийную диктатуру (СССР, Куба), так и режим с доминирующей партией, т.е. такой формально многопартийный режим, в котором фактически доминирует одна политическая партия [48]. В отличие от персоналистских диктатур, в партийных режимах власть политических лидеров существенным образом ограничена партийными институтами. Сама же политическая партия в авторитарных режимах такого типа представляет собой институт, в рамках которого происходит кооптация политических элит [21; 35]. Поэтому политические лидеры в партийных режимах, как правило, вынуждены согласовывать принятие важных решений с партией. Сама же политическая партия в партийном режиме включает в себя основные группы интересов и представителей ключевых социальных слоев [47; 34].

Авторитарные режимы партийного типа, как правило, функционируют на основе достаточно широких «выигрышных коалиций» [22; 64], придающих им высокий уровень политической стабильности. Такие режимы представляют собой сверхбольшие правящие коалиции, приносящие «выигрыш» всем своим участникам. Так создается «эквилибриум», когда все участники политического процесса стремятся укрепить политический режим, а не разрушить его [47]. Исследование Б. Геддес показывает, что партийные режимы обладают в среднем большей «продолжительностью жизни» по сравнению с персоналистскими и военными автократиями (в среднем они существуют от 15 лет до 31 года) [37, с. 133].

В отличие от партийных авторитарных режимов, в **персоналистских автократиях** политическая власть концентрируется в руках одного человека, а не в коллективном органе принятия решений. Режим такого типа получает поддержку при помощи селективного распределения экономических ресурсов между представителями определенных групп [22; 35]. Чаще всего лидеры таких режимов опираются на достаточно не большие «выигрышные коалиции», состоящие из наиболее

приближенных к ним людей. Вследствие этого данный режим больше склонен не к широкому распределению ресурсов между разными социальными группами (как в партийных режимах), а к их концентрации в рамках узкой группы людей, приближенных к авторитарному лидеру. Периодически это может порождать вызовы со стороны представителей политической элиты, исключенных из «ближнего круга» диктатора. Но в то же время это может быть сильной стороной персоналистского режима, поскольку оппозиционные группы достаточно легко «расколоть» при помощи «подкупа» или включения отдельных оппозиционеров в состав правящей коалиции [63]. При помощи стратегии «разделяй и властвуй» авторитарные лидеры в таких режимах могут править довольно долго. Как подсчитала Б. Геддес, авторитарные режимы такого типа существуют в среднем 15 лет [37, с. 133].

Военный режим представляет собой такой тип диктатуры, в котором основная власть сосредоточена в руках военных (даже если формально во главе государства стоят гражданские лица). Такой режим, как правило, образуется в результате военного переворота и свержения гражданского правительства (как демократического, так и авторитарного). Согласно формальной модели, разработанной группой экономистов во главе с Дароном Асемоглу, мощным стимулом для свержения военными гражданского правления является сокращение финансирования военного ведомства [11]. В этом случае военный переворот может рассматриваться как крайний шаг военной элиты по защите своих интересов и чаще всего является вынужденной мерой. Поэтому у военного правительства, как правило, нет мощных стимулов держаться за власть как можно дольше. Практика показывает, что военные достаточно легко соглашаются на переход власти к гражданским лицам, когда получают гарантии того, что при новой власти их финансовые интересы не будут ущемлены [37]. Во многом именно поэтому военные режимы являются самым недолговечным типом среди всех авторитарных режимов. По оценке Б. Геддес, такие режимы существуют в среднем 9 лет [37, с. 133].

Монархические авторитарные режимы являются наиболее старой формой диктатуры, известной человечеству с древнейших времен. При таком режиме политическая власть принадлежит человеку, получающему ее по наследству. Как правило, в авторитарном режиме с монархической формой правления диктатор управляет страной не единолично,

а при помощи многочисленных родственников, что делает данный тип автократии по-настоящему «семейным бизнесом» (all in the Family). Как полагает Майкл Херб, политическая стабильность монархий Ближнего Востока объясняется именно тем, что все ключевые бюрократические позиции в таких государствах занимает относительно небольшая (в масштабах страны) группа людей, связанных родственными узами [43]. Это делает выигрышные коалиции в монархических диктатурах очень сплоченными и немногочисленными, что способствует устойчивости и долговечности этих режимов.

ГИПОТЕЗЫ И ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании всего выше сказанного можно выдвинуть несколько гипотез.

Гипотеза 1. Авторитарные режимы, получающие доходы от добычи нефти, в среднем существуют дольше, чем авторитарные режимы, их не получающие.

Используя новую типологию авторитарных режимов Б. Геддес [39] и теорию селектората Б. Буэно де Мескита [22], можно сделать предположение о различном воздействии нефтяных доходов на среднюю «продолжительность жизни» режимов разного типа в зависимости от размеров «выигрышной коалиции».

Гипотеза 2. Персоналистские авторитарные режимы в богатых нефтью странах в среднем существуют гораздо дольше, чем персоналистские режимы в бедных углеводородами странах.

Данное предположение базируется на идее о том, что классические персоналистские режимы, как правило, опираются на относительно небольшие «выигрышные коалиции». И если такой режим получает «дополнительные» доходы от добычи углеводородов, то, скорее всего авторитарный лидер будет использовать их для укрепления своей «выигрышной коалиции» и будет распределять большую часть «петродолларов» между своими соратниками, что будет делать членов его коалиции более лояльными, а сам его режим более прочным.

Подобные механизмы должны работать и в автократиях с монархической формой правления, поскольку ядром выигрышной коалиции в них являются представители одной большой «семьи».

Гипотеза 3. Диктатуры с партийной формой правления в богатых нефтью странах существуют в среднем дольше, чем авторитарные

режимы с монархической формой правления в бедных углеводородами странах.

В отличие от монархий и персоналистских режимов, в основе партийных диктатур лежат, как правило, достаточно широкие «выигрышные коалиции». Поэтому если такой режим получает доходы от добычи углеводородов, то они распределяются между относительно большим числом людей и социальных групп, а значит вклад нефтяных доходов в прочность «выигрышных коалиций» в таких режимах меньше, чем их вклад в стабильность персоналистских режимов, поскольку в среднем рядовому члену «выигрышной коалиции» в партийных диктатурах достается лишь маленькая часть от общего «нефтяного пирога». Поэтому при данных институциональных ограничениях нефтяные доходы существенным образом не должны влиять на стимулы участников «выигрышных коалиций» и поддерживать устойчивость существующей политической системы.

Гипотеза 4. Партийные режимы в нефтедобывающих странах существуют в среднем столько же, сколько и партийные режимы в бедных углеводородами странах.

Военные режимы, как уже говорилось выше, представляют собой наименее долговечный тип авторитаризма, поскольку стимулами к его созданию является изменение финансирования военных ведомств, т.е. у лидеров такого режима, как правило, нет долгосрочных целей по удержанию власти как можно дольше [11; 38]. Более того, как показывает исследование Майкла Росса, богатые нефтью страны имеют тенденцию тратить на военные нужды больше денег, чем другие страны. Поэтому у военных в нефтедобывающих странах, как правило, должно быть еще меньше стимулов свергать существующие политические режимы и устанавливать прямое военное правление.

Гипотеза 5. Военные режимы в бедных углеводородами странах существуют в среднем дольше, чем военные режимы в нефтедобывающих странах.

Для проверки выдвинутых гипотез я буду использовать оценку Каплана-Мейера, являющуюся стандартным инструментом анализа выживания [45; 26]. Изначально данная процедура пришла из медицины, где она применялась для оценки шансов пациентов на выздоровление. Сегодня она получила достаточно широкое применение и в политической науке [17; 40].

В фокусе моего внимания в данной главе будет оценка шансов авторитарных режимов на выживание с учетом двух основных фактов:

- 1) наличие у них доходов от добычи нефти;
- 2) тип авторитарного режима. Для выполнения процедуры Каплана-Мейера (оценки шансов выживания) будет использоваться статистический пакет SPSS22.

Эмпирической основой исследования будет служить база данных авторитарных режимов *Autocratic Regimes and Transitions*, составленная Б. Геддес [39]. Эта база включает в себя 277 авторитарных режимов, существовавших с 1946 г. по 31 декабря 2010 г.

Важнейшей переменной для проведения оценки Каплана-Мейера является *статус авторитарного режима*. Эта биномиальная переменная принимает значение «0», если режим с момента своего возникновения просуществовал вплоть до 31 декабря 2010 г., и значение «1», если режим не смог просуществовать до 31 декабря 2010 г.

Второй важнейшей переменной для оценки Каплана-Мейера является *«продолжительность жизни» режима*. Данная переменная вычисляется как количество полных лет, прошедших с года образования режима и до года прекращения его существования.

В контексте данного исследования не менее важной переменной является тип авторитарного режима. Эта переменная в соответствии с классификацией принимает четыре значения: партийный режим (1), персоналистский режим (2), военный режим (3) и монархический режим (4).

Биномиальная переменная *фактор нефти* показывает, получает ли авторитарный режим доходы от добычи нефти (значение «1») или нет (значение «0»). Режим кодировался как имеющий доходы от добычи нефти (значение «1»), если он на протяжении значительной части своего существования имел доход от добычи нефти не ниже 100 долл. США (в ценах 2000 г.) из расчета на душу населения. Для выделения из базы данных Б. Геддес [39] авторитарных режимов, удовлетворяющих данному критерию, была использована база данных *Oil and Gas Data, 1932–2014*, составленная Майклом Россом и Паашой Мехдави. Однако в целях проверки достоверности данных базы Росса-Мехдави использовались также данные о добыче нефти, взятые из базы Стефена Хабера и Виктора Менаaldo [42].

Используя информацию о добычи нефти из этих двух баз данных, из списка авторитарных режимов Б. Геддес удалось выделить 45 авторитарных режимов, которые могут быть названы нефтедобывающими (Таблица 5.5).

Таблица 5.5

**Авторитарные режимы с нефтяным доходом более 100 долл.
на душу населения***

Страна	Режим	Тип режима	Год, когда доход от добычи нефти в стране превысил \$100 на душу населения (год и нефтяной доход на душу населения в тот год)	
			По России (2000)	По Хаберу-Меналдо
Algeria	Algeria 62–92	Партийный	1961 117,11	1961 138,42
	Algeria 92-NA	Партийный		
Angola	Angola 75-NA	Партийный	1973 131,80	1973 131,88
Argentina	Argentina 76–83	Военный	1973 108,65	1974 288,46
Azerbaijan	Azerbaijan 93-NA	Персоналистский	1993 294,93	1993 238,82
Bolivia	Bolivia 71–79	Военный	1973 122,93	1974 193,84
	Bolivia 80–82	Военный		
Cameroon	Cameroon 60–83	Партийный	1979 129,22	1980 216,44
	Cameroon 83-NA	Персоналистский		
Chad	Chad 90-NA	Персоналистский	2004 230,38	2004 266,70
Ecuador	Ecuador 72–79	Военный	1973 157,25	1973 172,15
Egypt	Egypt 52-NA	Партийный	1979 142,17	1976 137,48
Gabon	Gabon 60-NA	Партийный	1958 100,51	1958 110,70
Indonesia	Indonesia 66–99	Партийный	1974 158,45	1974 193,85
Iran	Iran 25–79	Монархия	1970 112,66	1956 149,07983
	Iran 79-NA	Партийный		
Iraq	Iraq 32–58	Монархия	1950 108,47	1950 128,77
	Iraq 58–63	Персоналистский		

Продолжение таб. 5.5

Страна	Режим	Тип режима	Год, когда доход от добычи нефти в стране превысил \$100 на душу населения (год и нефтяной доход на душу населения в тот год)	
			По России (2000)	По Хаберу-Меналдо
	Iraq 63–68	Персоналистский		
	Iraq 68–79	Партийный		
	Iraq 79–03	Персоналистский		
Kazakhstan	Kazakhstan 91-NA	Персоналистский	1992 317,91	1992 282,43
Kuwait	Kuwait 61-NA	Монархия	1950 10644,46	1950 12249,62
Libya	Libya 51–69	Монархия	1962 473,71	1962 573,01
	Libya 69-NA	Персоналистский		
Malaysia	Malaysia 57-NA	Партийный	1974 111,78	1974 122,29
Mauritania	Mauritania 05–07	Военный	2006 213,61	2006 246,13
	Mauritania 08-NA	Персоналистский		
Mexico	Mexico 15–00	Партийный	1974 186,74	1974 169,49
Nigeria	Nigeria 66–79	Военный	1971 123,54	1971 111,14
	Nigeria 83–93	Военный		
	Nigeria 93–99	Военный		
Peru	Peru 68–80	Военный	1977 100,77	2978 155,24
Romania	Romania 45–89	Партийный	1962 106,37	1974 242,70
Russia	Russia 93-NA	Персоналистский	1992 845,35	1992 631,75
Saudi Arabia	Saudi Arabia 27-NA	Монархия	1950 599,09	1946 229,78
Soviet Union	Soviet Union 17–91	Партийный	1960 142,87	1967 100,43

Окончание таб. 5.5

Страна	Режим	Тип режима	Год, когда доход от добычи нефти в стране превысил \$100 на душу населения (год и нефтяной доход на душу населения в тот год)	
			По Россу (2000)	По Хаберу-Меналдо
Sudan	Sudan 89-NA	Персоналистский	2004 122,75	2004 121,64
Syria	Syria 63-NA	Партийный	1974 263,47	1974 329,82
Tunisia	Tunisia 56-NA	Партийный	1974 228,37	1974 267,95
Turkmenistan	Turkmenistan 91-NA	Партийный	1992 1573,90	1992 263,79
UAE	UAE71-NA	Монархия	1972 18571,40	1972 17110,58
Uzbekistan	Uzbekistan 91-NA	Партийный	1992 209,58	1992 208,66
Venezuela	Venezuela 48-58	Военный	1946 100,28	1925 126,63
	Venezuela 05-NA	Персоналистский		
Yemen	Yemen 78-NA	Персоналистский	1990 271,02	1982 393,12

* В данном исследовании не учитывается султанат Оман, ввиду сложности однозначного кодирования политического режима этой страны как нефтедобывающего, поскольку согласно данным Б. Геддес авторитарный режим существует в этой стране с 1741 г. Столь долгая «продолжительность жизни» данного режима делает проблематичным кодирование его как «нефтедобывающего», поскольку на протяжении большей части своей истории он не получал нефтяную ренту. В то же время кодирование политического режима этой страны как «нефтяного» было бы некорректным, поскольку в период времени после 1946 г. страну можно считать одним из классических примеров государства-рантье. Ввиду небольшого числа монархических авторитарных режимов включение в базу данных такого «аутлаера» (как в качестве нефтедобывающего, так и в качестве не нефтедобывающего) может исказить результаты анализа Каплана-Майера для данной подгруппы авторитарных режимов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, рабочая база данных включает в себя 276 авторитарных режимов, 45 из которых являются «петроавтократиями». В свою очередь из них 16 являются партийными, 13 персоналистскими, 10 военными и 6 монархическими (Таблица 5.6).

Таблица 5.6

Описательная статистика

Тип режима	Фактор нефти	Количество наблюдений
Партийный	Режимы без нефтегазовых доходов	65
	Нефтегазовые режимы	16
	Все партийные режимы	81
Персоналистский	Режимы без нефтегазовых доходов	86
	Нефтегазовые режимы	13
	Все персоналистские режимы	89
Военный	Режимы без нефтегазовых доходов	69
	Нефтегазовые режимы	10
	Все военные режимы	79
Монархический	Режимы без нефтегазовых доходов	11
	Нефтегазовые режимы	6
	Все монархические режимы	17
Всего		276

Проверить первую гипотезу можно при помощи оценки Каплана-Мейера, проделанную для всех авторитарных режимов (как имеющих нефтяные доходы, так и не обладающих ими). Из таблицы 5.7 видно, что медианное значение сроков выживания для авторитарных режимов в нефтедобывающих странах равняется 22 годам, что более чем в два раза больше, чем аналогичный показатель для авторитарных режимов, не обладающих нефтяными доходами (которые живут в среднем 9 лет). Среднее значение времени выживания для нефтяных автократий также почти в два раза больше, чем соответствующий показатель для авторитарных режимов, не имеющих нефти (26,9 лет против 15,2 лет).

В визуальном виде оценка Каплана-Мейера для нефтяных и не нефтяных авторитарных режимов представлена на Рис. 5.4.

Таким образом, при первом приближении данные говорят о том, что наличие у авторитарного режима нефтяных доходов увеличивает его среднюю «продолжительность жизни» более чем в два раза по сравнению с другими режимами.

Для проверки всех остальных гипотез была проделана процедура оценки Каплана-Мейера в отношении авторитарных режимов всех типов (Таблица 5.8).

Таблица 5.7

Средние и медианные значения сроков выживания авторитарных режимов, обладающих и не обладающих нефтяными доходами

Фактор нефти	Среднее значение				Медиана			
	Оценка	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал		Оценка	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал	
			Нижняя граница	Верхняя граница			Нижняя граница	Верхняя граница
Авторитарные режимы, не обладающие нефтяными доходами	15,225	1,152	12,967	17,483	9,000	1,117	6,810	11,190
Авторитарные режимы, обладающие нефтяными доходами	26,889	3,186	20,644	33,134	22,000	4,695	12,799	31,201
Все	17,127	1,123	14,923	19,328	11,000	1,184	8,679	13,321

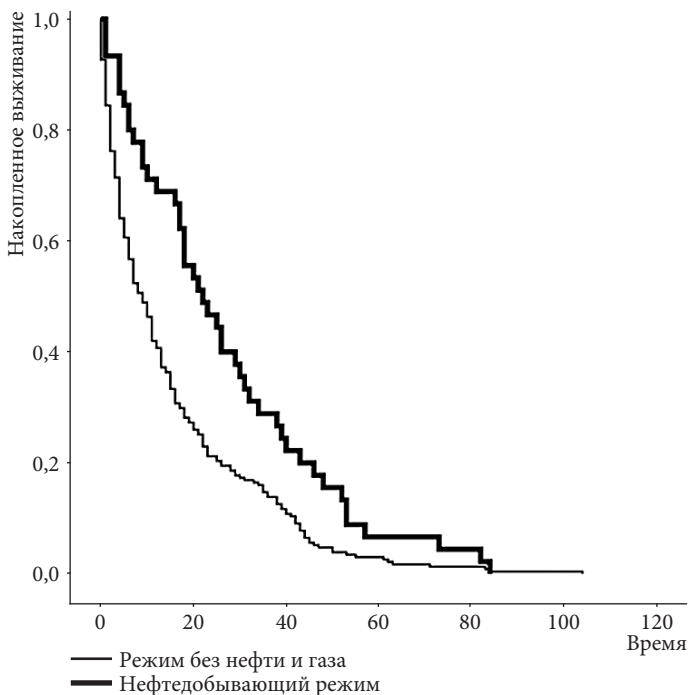

Рис 5.4. Функции выживания нефтяных и нефтяных авторитарных режимов

Гипотеза о том, что персоналистские режимы в богатых нефтью странах существуют дольше, чем авторитарные режимы в других странах, полностью подтвердилась. Как видно из таблицы 5.7, медиана выживания таких режимов равняется 20 годам, тогда как аналогичный показатель для персоналистских режимов, не имеющих нефтяных доходов, равняется лишь 6 годам. В графическом виде функция выживания персоналистских режимов представлена на Рис. 5.5.

Также из таблицы 5.7 хорошо видно, что монархические режимы в бедных нефтью странах существуют в среднем чуть дольше, чем в нефтедобывающих странах. Для «нефтяных монархий» медианный возраст составляет 38 лет, а для всех остальных авторитарных монархий 41 год. Разница в «продолжительности жизни» между нефтяными и не нефтяными монархиями становится еще меньше, если посмотреть на средние значения продолжительности жизни таких режимов. Для монархий в нефтяных странах этот показатель составляет 43,833 года, тогда как для обычных авторитарных монархий 43,455 года.

Таблица 5.8

Средние значения и медианы для времени выживания авторитарных режимов разных типов

Тип авторитарного режима	Фактор нефти	Среднее значение				Медиана			
		Оценка	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал		Оценка	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал	
				Нижняя граница	Верхняя граница				Нижняя граница
Партийный	Режимы без нефти	25,400	2,348	20,797	30,003	22,000	2,876	16,362	27,638
	Режимы с нефтью	40,000	5,077	30,049	49,954	34,000	7,000	20,280	47,720
	Все	28,284	2,218	23,937	32,630	26,000	3,750	18,651	33,349
Персоналистский	Режимы без нефти	9,953	1,153	7,693	12,214	6,000	1,069	3,905	8,095
	Режимы с нефтью	18,000	3,301	11,530	24,470	20,000	2,996	14,128	25,872
	Все	11,010	1,119	8,816	13,204	7,000	1,141	4,764	9,236
Военный	Режимы без нефти	7,710	1,131	5,493	9,927	5,000	1,277	2,498	7,502
	Режимы с нефтью	7,300	1,528	4,305	10,295	6,000	1,054	3,934	8,066
	Все	7,658	1,004	5,690	9,626	6,000	1,096	3,852	8,148
Монархический	Режимы без нефти	43,455	9,556	24,725	62,184	41,000	7,707	25,895	56,105
	Режимы с нефтью	43,833	9,428	25,354	62,313	38,000	14,085	10,394	65,606
	Все	43,588	6,836	30,189	56,987	41,000	3,430	34,277	47,723
Все		17,127	1,123	14,926	19,328	11,000	1,184	8,679	13,321

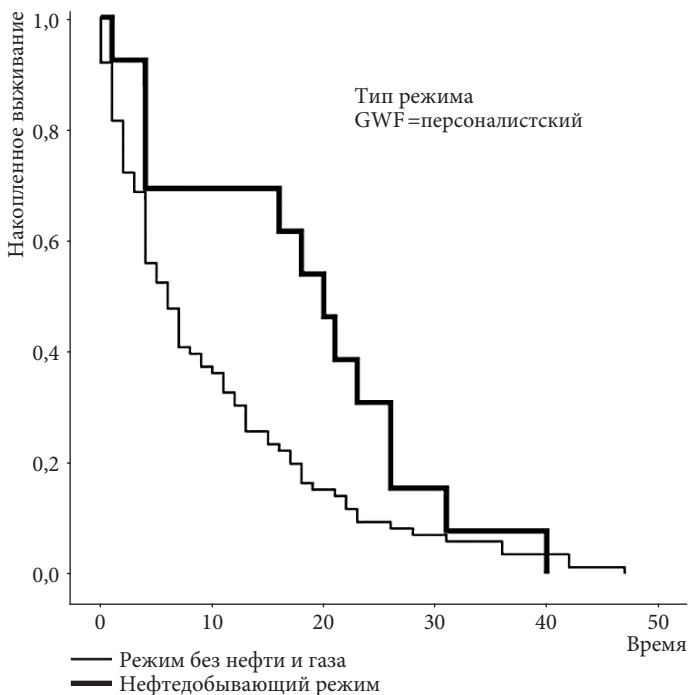

Рис. 5.5. Функции выживания для персоналистских режимов

Можно заметить, что если смотреть на медиану, то разница в средней продолжительности жизни нефтяных и не нефтяных монархий является не очень большой, а также то, что монархии в целом имеют самую длинную продолжительность жизни среди всех типов авторитарных режимов (41 год). Из этого можно сделать предположение о том, что, скорее всего, в авторитарных режимах с монархической формой правления сами политические институты играют не менее важную роль в политическом выживании автократий такого типа, чем нефтяная рента.

Как и предполагалось, военные режимы имеют самую небольшую медиану выживания (6 лет), причем разница между средней «продолжительностью жизни» авторитарных режимов этого типа в нефтяных и не нефтяных странах минимальна (6 лет против 5 с разницей в 1 год).

Неожиданным результатом исследования является то, что партийные режимы в нефтяных режимах существуют значительно дольше, чем партийные режимы в других странах (34 года против 22 лет), хотя разница между ними меньше, чем в случае с персоналистскими

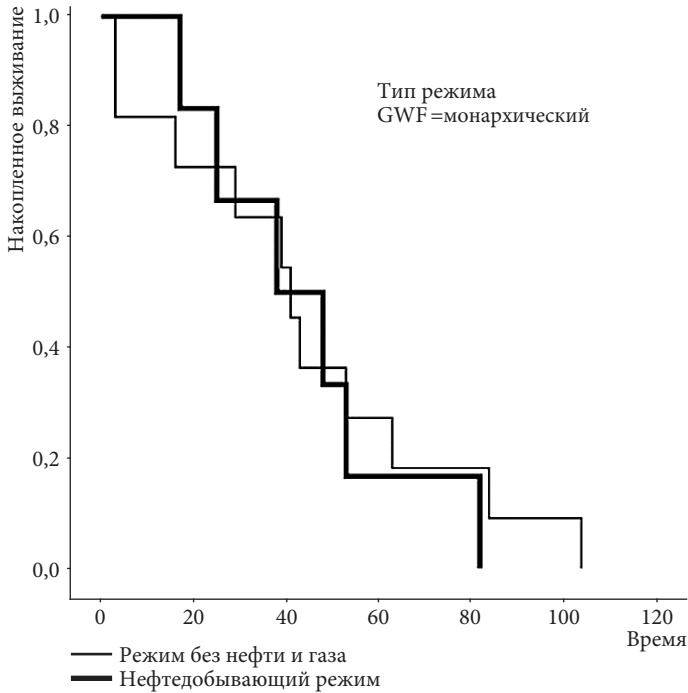

Рис. 5.6. Функции выживания для монархических режимов

режимами. После монархий, партийные режимы имеют самую длинную медиану «продолжительности жизни», которая равняется 26 годам. Авторитарные режимы такого типа, как в нефтяных, так и в нефтяных странах существуют в среднем довольно долго.

Итак, при помощи процедуры Каплана-Мейера нам удалось доказать, что нефтяные авторитарные режимы, обладающие нефтяными доходами, существуют в среднем намного дольше, чем авторитарные режимы, лишенные нефтяной ренты (22 года против 9 лет). Это можно считать подтверждением того, что нефтяные доходы, помимо описанных Майклом Россом эффектов, порождают также «эффект долголетия». Этот эффект состоит в том, что нефтяные доходы способствуют устойчивости и долголетию авторитарных режимов в богатых углеводородами странах [60; 51; 55].

Помимо этого, проведение оценки Каплана-Мейера помогло установить, что нефть оказывает неодинаковое воздействие на «продолжительность жизни» авторитарных режимов разного типа. Во многом

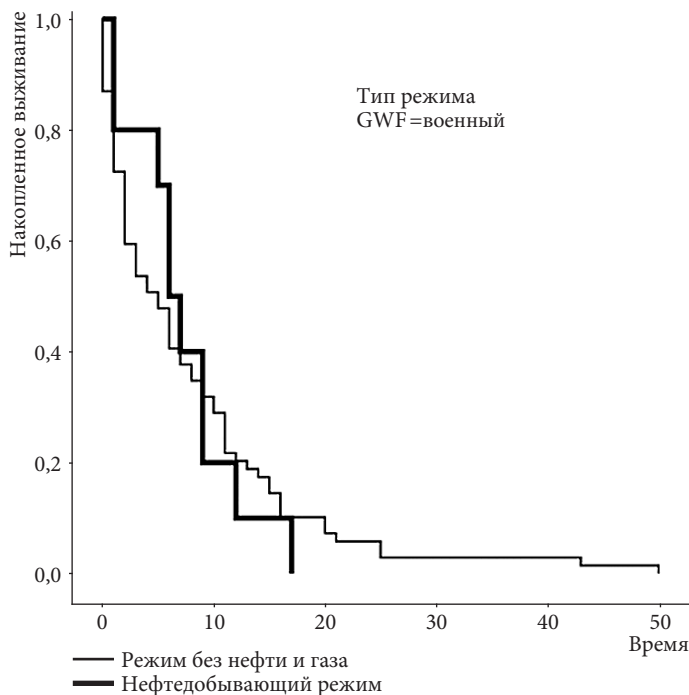

Рис. 5.7. Функции выживания для военных режимов

столь большая разница в средней продолжительности существования между нефтяными и не нефтяными автократиями (22 года против 9 лет с разницей 13 лет) происходит за счет огромной разницы в «продолжительности жизни» между персоналистскими диктатурами в богатых и бедных нефтью странах (20 лет против 6), а также за счет существенной разницы между медианами средней «продолжительности жизни» нефтяных и не нефтяных партийных режимов (34 года против 22 лет).

Исследование также выявило, что наличие нефтяных доходов не оказывает никакого серьезного воздействия на «продолжительность жизни» монархических авторитарных режимов. Так же как, судя по всему, нефтяные доходы не оказывают существенного влияния на «продолжительность жизни» военных автократий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что получившая в литературе концепция «ресурсного проклятия», согласно которой нефтяные доходы оказывают универсальное «стабилизирующее» воздействие на все авторитарные режимы [60; 51], является не совсем корректной.

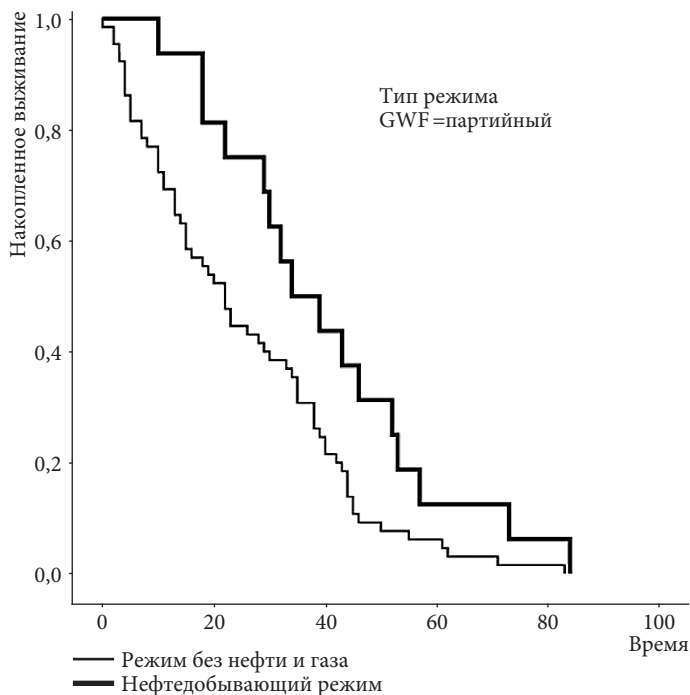

Рис. 5.8. Функции выживания для партийных режимов

Есть веские основания полагать, что на персоналистские авторитарные режимы нефть оказывает гораздо более сильное влияние, чем на диктатуры других типов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование показало, что на межстрановом уровне нефтяные доходы действительно коррелируют с более низким уровнем демократии, а также с более значительными расходами на оборону и низкой налоговой нагрузкой на экономику. Статистический анализ на основе данных из 161 страны мира подтвердил первую гипотезу о взаимосвязи более значительных нефтяных доходов с более низким уровнем демократии. Однако не все «эффекты» нефтяных доходов, предложенные М. Россом, подтвердились в ходе выполнения регрессионного анализа. Так, например, значительная доля государственных расходов в структуре ВВП коррелирует с более высоким уровнем демократии,

а не с более низким, как у Росса. Как упоминалось выше, это связано, пожалуй, с материалом для анализа, использовавшимся учёным: значительную его долю составляли коммунистические режимы с высокой долей государственных расходов в экономике. Материал же данного исследования основан на данных за 2013 г. и поэтому содержит очень небольшое число коммунистических стран.

Отличие от «эффекта расходов», «эффект репрессий» подтвердилось. Было обнаружено, что величина военных расходов негативным образом связана с уровнем демократии. «Эффект налогов» также подтвердился. Выявлена прямая связь между более значительной нефтяной рентой и более низким налоговым бременем на экономику, что можно считать одним из способов «покупки» политической лояльности.

Причина, по которой во многих богатых нефтью странах так и не сложились полноценные демократические режимы, заключается в том, что финансовая независимость правительств этих стран делает существующие в них авторитарные режимы чрезвычайно устойчивыми. Поступающие в такие страны «петродоллары» позволяют авторитарным лидерам вкладывать значительные доходы в «покупку» лояльности своих выигрышных коалиций («эффект расходов»), а также в финансирование репрессий и силового аппарата («эффект репрессий»), что, в конечном счете, делает любые перспективы демократизации крайне маловероятными, а сами авторитарные режимы очень устойчивыми. Подобную устойчивость авторитарных режимов во многих богатых нефтью странах можно назвать «эффектом долголетия». Под «эффектом долголетия» имеется в виду более долгая «средняя продолжительность жизни» «петроавтократий» по сравнению с другими авторитарными режимами.

Тезис о большей устойчивости «петроавтократий» по сравнению с диктаторскими режимами, не обладающими нефтяными ресурсами, был проверен в третьей главе при помощи оценки Каплана-Майера. Анализ показал, что авторитарные режимы в нефтедобывающих странах существуют в среднем на 13 лет дольше, чем авторитарные режимы в других странах. Также было обнаружено, что одним авторитарным режимам нефть увеличивает среднюю «продолжительность жизни» значительно сильнее, чем в других. Как и предполагалось, большую выгоду от наличия в стране нефтяных ресурсов получают персоналистские режимы, которым «петродоллары» увеличивают «продолжительность жизни» более чем в три раза (6 лет без нефти против 20 лет при наличии нефтяных ресурсов). Наименьшую выгоду от наличия в стране нефтяных доходов получают военные режимы, которым углеводороды

увеличивают «продолжительность жизни» в среднем всего лишь на один год, и монархические режимы, которым они продлевают среднее значение продолжительности жизни всего лишь на 0,5 года.

Результаты исследования подтвердили распространенный в научной литературе тезис, что доходы от добычи углеводородов сами по себе не оказывают универсального антидемократического эффекта на все страны мира [29]. Во многом антидемократические «эффекты» нефтяных доходов обусловлены размером «выигрышных коалиций» и типом авторитарного режима. Наиболее сильный антидемократический эффект нефтяная рента оказывает лишь на персоналистские авторитарные режимы, которым она в несколько раз увеличивает значение «медианы выживания». С некоторыми оговорками можно признать и факт того, что партийные диктатуры тоже приобретают большую устойчивость благодаря нефтяным доходам. Однако авторитарные режимы этого типа в среднем существуют долго как в нефтедобывающих странах, так и в государствах, бедных природными ресурсами. Поэтому можно предположить, что *в партийных режимах доходы от нефтяных ресурсов лишь усиливают эффекты политических институтов, увеличивающих долговечность политических систем такого типа, но не порождают политическую стабильность сами по себе (как в персоналистских режимах)*. То же можно сказать и про авторитарные режимы с монархической формой правления, чья медиана выживаемости является одинаково высокой как для богатых, так и для бедных нефтью стран. В случае с военными режимами не наблюдается какая-либо существенная разница в выживании авторитарного режима в бедных и богатых нефтью странах. В обоих случаях военные режимы существуют в среднем очень небольшой промежуток времени (5–6 лет).

Наличие разной «продолжительности жизни» у авторитарных режимов разных типов можно считать доказательством того, что размер выигрышной коалиции оказывает важное влияние на то, насколько сильно фактор нефтяных доходов будет влиять на перспективы их выживания. А перспективы выживания автократий в свою очередь напрямую влияют на вероятность начала демократических преобразований в этих странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль, 1983.
2. Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2006.
3. Митчелл Т. Углеродная демократия: Политическая власть в эпоху нефти. М.: Изд. «Дело», 2014.

4. Нисканен У. Авторитарная, демократическая и оптимальная формы правления: фискальные решения и экономические результаты. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
5. Токвиль де А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
6. Фридман Т. Жаркий, плоский, многолюдный. Кому нужна «зеленая революция» и как нам реконструировать Америку». М.: АСТ, 2011.
7. Щербак А. Влияние «нефтяного шока» на постсоветские режимы. // Заостровцев А. (ред.) Экономика и институты. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2010. с. 192-205.
8. Эткинд А. Петроначо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве — http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html#_ftnref7, 2013.
9. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
10. Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy Reprint Edition. New York: Cambridge University Press, 2006.
11. Acemoglu D., Ticchi D., Vindigni A. A Theory of Military Dictatorships. American Economic Journal: Macroeconomics. 2010, 2(1): 1-42.
12. Andersen J., Aslaksen S. and political survival. Journal of Development Economics. 2013, 100 (1): 89-106.
13. Andersen J., Ross M. The Big Oil Change: a closer look at the Haber-Menaldo analysis. Comparative Political Studies: 47:7 2014.
14. Auty R. Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis, London and New York: Routledge, 1993.
15. Barro R. Determinants of democracy. Journal of Political Economy. 1999, 107: 158-183.
16. Beblawi H., Luciani G. The Rentier State. London: Croom Helm, 1987.
17. Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. Perspectives on Politic. 2007, 5 (2): 259-276.
18. Bhattacharyya. S., Hodler. R. Natural Resources, Democracy and Corruption. European Economic Review. 2010, 54: 608-621.
19. Boix C. Democracy and redistribution. New York: Cambridge University Press, 2003.
20. Bollen K. Issues in the Comparative Measurement of Political Democracy. American Sociological Review. 1980, 3: 370-390.
21. Brownlee J. Authoritarianism in the age of democratization. New York: Cambridge University Press, 2007.
22. Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. The Logic of Political Survival. Cambridge: MIT Press, 2003.
23. Caselli F. Power Struggles and the Natural Resource Curse. London: London School of Economics, 2006.

24. *Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war. *Oxford Economic Papers*. 2004, 56: 563-595.
25. *Cooperman A.* Mapping the Global Muslim Population: A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population. Washington: Pew Research Center, 2009.
26. *Cox D. R., Oakes D.* Analysis of Survival Data. London, New York: Chapman and Hall, 1984.
27. *Cuaresma J., Oberhofer H., Raschky P.* Oil and the Duration of Dictatorships. *Public Choice*. 2011, 148 (3): 505-530.
28. *Dahl R.* Polyarchy: participation and opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.
29. *Dunning T.* Crude Democracy: Natural Resource Wealth and Political Regimes. New York: Cambridge University Press, 2008.
30. *Fish S.* Islam and authoritarianism. *World Politics*. 2002, 55: 4-37.
31. *Fish S.* Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
32. *Friedman T. L.* The First Law of Petropolitics. *Foreign Policy*. 2006, 154: 28-36.
33. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.
34. *Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. New York: Cambridge University Press, 2008.
35. *Gandhi J., Przeworski A.* Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship. *Economics & Politics*. 2006, 18 (1): 1– 26.
36. *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats. *Comparative Political Studies*. 2007, 40 (11): 1279–1301.
37. *Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years rule. *Annual Review of Political Science*. 1999, 2: 115–144.
38. *Geddes B., Frantz E., Wright J.* Military rule. *Annual Review of Political Science*. 2016, 17: 147-162.
39. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Regimes and Transitions. *Perspectives on Politic*. 2014, 12 (2): 313-331.
40. *Golosov G.* Authoritarian Party Systems: Patterns of Emergence, Sustainability and Survival. *Comparative Sociology*. 2013, 12(5): 617-644.
41. *Guliyev F.* Unpacking the Political Resource Curse: How Oil Fuels Personalism and Undermines Democratization. Doctoral thesis, 2014.
42. *Haber S., Menaldo V.* Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse. *American Political Science Review*. 2011, 1: 1-26.
43. *Herb M.* All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in Middle Eastern Monarchies. Albany: State University of New York Press, 1999.
44. *Jones Luong P., Weinthal E.* Oil Is Not a Curse: Ownership Structure and Institutions in Soviet Successor States. New York: Cambridge University Press, 2010.
45. *Kaplan E., Meier P.* Nonparametric estimation from incomplete observations . *Journal of the American Statistical Association*. 1958, 53 (282): 457-481.

46. *Lipset M.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959, 53(1): 69-105.
47. *Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006.
48. *Magaloni B.* Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule. *Comparative Political Studies*. 2008, 41: 715– 741.
49. *Mahdavy H.* The patterns and problems of economic development in Rentier States: The case of Iran, in M. A. Cook (Ed.), *Studies in economic history of the Middle East from the rise of Islam to the present day*. London: Oxford University Press, 1970. с. 59-75.
50. *Marshall M., Gurr T., Jagers K.* Polity IV Project: Dataset Users' Manual. Center for Systemic Peace, 2014.
51. *Morrison K.* Oil, Nontax Revenue, and the Redistributive Foundations of Regime Stability. *International Organization*. 2009, 63(1): 107-138.
52. *North D., Weingast B.* Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England. *The Journal of Economic History*. 1989, 49(4): 803-832.
53. *Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F.* Democracy and Development; Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990. New York: Cambridge University Press, 2000.
54. *Ross M.* Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*. 2008, 102(1): 107-123.
55. *Ross M.* The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton: Princeton University Press, 2012.
56. *Ross M.* Does Oil Hinder Democracy? *World Politics*. 2001, 53(3): 325-361.
57. *Sachs J., Warner A.* Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper. 5398, 1995.
58. *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited. Chatham: Chatham House Publishers, 1998.
59. *Smith B.* Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World, 1960-1999. *American Journal of Political Science*. 2004, 48 (2): 232-246.
60. *Smith B.* Hard Times in the Lands of Plenty: Oil Politics in Iran and Indonesia. Cornell University Press, 2007.
61. *Tsui K.* More Oil, Less Democracy: Evidence from Worldwide Crude Oil Discoveries. *The Economic Journal*. 2011, 121(551): 89–115.
62. *Ulfelder J.* Natural-Resource Wealth and the Survival of Autocracy. *Comparative Political Studies*, 2007, 40(8): 995-1018.
63. *Wintrobe R.* The Political Economy of Dictatorship. New York: Cambridge University Press, 1998.
64. *Wright J.* How Foreign Aid Can Foster Democratization in Authoritarian Regimes. *American Journal of Political Science*. 2009, 53(3):552-571.

ЕЖЕГОДНЫЙ СБОРНИК СТАТЕЙ
исследовательского центра энергетической политики
Европейского университета в Санкт-Петербурге
№ 1, 2018

Исполнительный директор *Максим Титов*
Редактор *Кристина Емельяненко*
Художник обложки *Александр Ходот*
Художественный редактор и дизайнер-верстальщик *Дмитрий Дервенеv*

Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, лит. А
Тел. (812) 386 7637; факс: (812) 386 7639
<http://eu.spb.ru>

Подписано в печать 18.05.2018.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Тираж 200 экз.
Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
194044, Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., 60, лит. У
Заказ № 82067